

СЧАСТЛИВОЕ НЕЧТО

Виталий Гринберг

Иллюстрации Натальи Ростовской

Виталий Гринберг

Счастливое нечто

«Издательские решения»

Гринберг В.

Счастливое нечто / В. Гринберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832889-3

Какой можно увидеть жизнь, подняв взгляд со дна? Счастливое нечто — это романтика одиночеств. Главный герой — маргинал и социопат. Он бежит от себя, меняя города и воспоминания. Его галлюцинации по выходным дням добрее, чем по будням. Он один из тех, кто сходил с подъездной лестницы, но незаметно для себя сошел с ума. Он просит билет до Ее города в хлебном и недоумекает, почему в магазине с названием «Счастье» нет того, что сделает его по-настоящему счастливым.

ISBN 978-5-44-832889-3

© Гринберг В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Счастье	6
Глава 2. Автобус в рай	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Счастливое нечто

Виталий Гринберг

© Виталий Гринберг, 2016

© Наталья Ростовская, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2889-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Счастье

Я был одним из тех немногих людей, которые занимались решением несуществующих проблем, таких как: «Чем считать приём пищи в три часа ночи – поздним ужином или ранним завтраком?».

Я сидел в съемной квартире, из мебели в которой были: матрас с рваной дырой по центру, шкаф без дверей и трёх нижних полок, письменный стол с огромной надписью «хер», старый стул с облезлой полиролью и две стопки бумаги. Одна из них являлась кучей скомканных и исчерканных листов, содержание которых было чуть глупее надписи на столе.

Стулу следует уделить отдельное внимание. Я подобрал его у дома, когда возвращался из магазина с дешёвым вином и яичной лапшой на завтрак. По привычке подошёл к подвалу, чтобы справить нужду, но на месте жёлтых сердечек в снегу стоял ОН с пятью ножками. Я открыл бутылку и заткнул её горлышком нескончаемый поток мыслей в простуженной голове. Так мы и познакомились.

Изучив внешний вид нового друга, я посмел предположить, что люди его выставили во двор из-за пятой ноги. Видимо он не вписывался в интерьер их богатых квартир и кожаных кресел в гостиной. Он выглядел слишком уродливо на их фоне, убого и неестественно. Для меня же, он был особенным – индивидуальным. Вы ведь не часто видите стул с пятью ножками в прокуренных кухнях знакомых. Готов поспорить на этот самый стул, что никогда не встречали подобного. В этом и есть его ценность, не так ли?

Люди часто ошибаются, проводя черту между уродством и особенностью. Это звучит смешно, когда я рассказываю о стуле, на котором провожу вечера за бутылкой и нелепой писа-

ниной, содержание которой чуть глупее надписи на письменном столе. Увы, иногда речь идёт о человеке.

Мой рацион не отличался разнообразием, как у тех людей, в чьих квартирах стояли кожаные кресла вместо стульев. На завтрак лапша, в лучшем случае пельмени из маленького магазинчика под названием «Счастье», что был встроен в дом, напротив моей девятиэтажки. Всё это я запивал стаканом алкоголя с таблеткой успокоительного – день не мог начаться иначе. Я садился писать, когда солнце выползло из-за безжизненной стройки, освещая на три с половиной часа надпись на моём столе, и заканчивал, когда оно скрывалось за соседним зданием. В детстве мне постоянно твердили, что человеку необходим режим, и каждое утро должно начинаться с одно и того же. У меня был режим, я с гордостью мог называть себя человеком.

Любовь к письму у меня обнаружили ещё в дошкольном возрасте, когда я выцарапывал слова на обеденном столе в столовой. Жаль, что тогда я знал всего лишь три буквы. Хотя, что бы выразить все чувства мне хватало одной надписи «хер». Не понимаю, зачем говорить и писать так много, когда есть такое ёмкое слово. Сейчас мне было, что сказать. Поэтому я работал в редакции с названием, которое до сих пор не могу запомнить, и ежедневно, по три часа в день придумывал никому не нужные поздравления с также никому не нужными, стихами.

Я ненавидел свою работу. Бездушные роботы постоянно твердили мне, что в написанном мною нет души.

– Твои стихи никчёмны, их никто не понимает, как и тебя самого. Ты должен писать для людей, даже если это будет просто записка из нескольких слов. **ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПОНИМАЕШЬ?** – Кричал мужчина, столкнувшись со мной в тот редкий день, когда я зашёл в офис за зарплатой и списком имён поздравляемых на этой неделе.

– Я понимаю вас. – Как учили, вежливо ответил я.

– С радостью буду писать записки для самоубийц, но такой работы не существует. Хотя, казалось бы, именно так можно писать для людей, ведь они прирожденные суицидники.

– Глупец! Никто в здравом уме не станет убивать себя!

– Мужчина достал сигарету из пачки с надписью «самоуничтожение».

– Радуйся жизни, придурок. – Сквозь булькающий кашель прохрипел он, натянув на череп улыбку, обнажая жёлтые зубы.

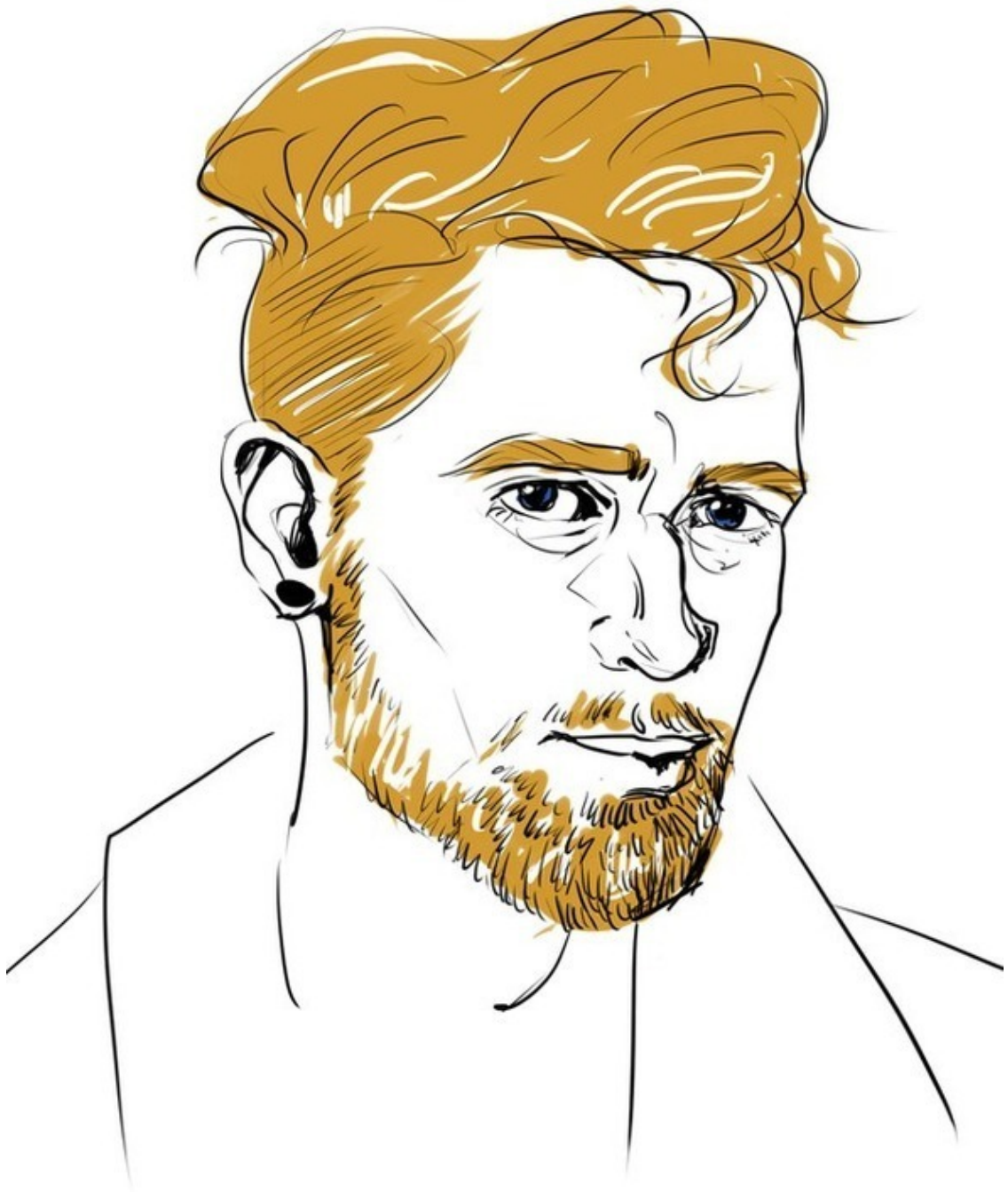
Я поспешил выбежать на улицу. Люди и время без остановки куда-то шли. Их связывала лишь одна цель – уничтожить. Мне казалось несправедливым то, что дождь шёл так редко, по моему, идти имел право только он. Он один не нарушает гармонии.

Присев на лавочке в центральном парке, чтобы отдышаться, я задержался больше положенного и провёл там около часа. К тому времени капли дождя перестали накрапывать. Я хотел было уйти и спрятаться от солнца в своей квартире, как вдруг какой-то сорванец бросил полкуса черствого хлеба в лужу рядом со стаей птиц. Было интересно наблюдать за тем, как голуби вонзались клювом в мякоть и, пытаясь оттащить пищу от сородичей, дёргали головой. Таким образом, получалось, что над черно-серой, перетекающей волнами массой, постоянно подлетал уменьшающийся кусочек хлеба. Голубям доставались лишь крошки, а основная часть оставалась на асфальте в грязи у моих ног. Голуби любили хлеб, а я любил тебя до одури. Так что вместо: «полбулки белого, пожалуйста», я просил билет до твоего города и недоумевал, почему в магазине с названием «Счастье», нет того, что сделает меня счастливым... Глупо.

Трапеза закончилась, когда кусок намок и утонул в луже, а голуби, будто ничего не заметили, разлетелись по своим делам. Надо же, они так быстро потеряли то, за что выклёвывали глаза друг другу пару мгновений назад, и уже забыли об этом. А хлеб «выдыхал» свой последний воздух, оставляя пузырьки на поверхности грязной жидкости.

– Тимофей, дружище, тебя почти не узнать без бутылки, – со смехом произнёс человек в толпе. Его гогот я не мог перепутать ни с чьим другим, смесь повизгивания свиньи и брачной

песни тюленей. Несмотря на это, Славик был единственным, с кем я мог перекинуться больше, чем парой слов о погоде. Слава выделялся в толпе не только смехом: непонятная прическа из рыжей копны волос, напоминающих ирокез после бурной пьянки, трёхдневная щетина, туннели в ушах и кривой от рождения нос. Бабки на лавочках крестились при его виде, а припозднившиеся прохожие обходили стороной в переулках. Не то чтобы он отличался желанием набить кому-то рожу, или ограбить одинокого путника, так, на всякий случай. У людей слишком много предрассудков.

В это время мой приятель, гремя цепями на джинсах, игнорируя лужу, наступил в место скопления пузырьков и бухнулся рядом, слева от меня на лавочку.

– Там был хлеб, Слава. Голуби любили хлеб, а ты на него наступил, – от души рассмеялся я.

– Держи. – Он протянул горсть семян. – Корми своих голубей.

– Мы болтали около часа, прежде чем солнце стало выжигать мои глаза, не привыкшие к дневному свету. Пришлось уйти в кафе неподалёку и продолжить беседу там. Было смешно наблюдать, как люди косятся на нашу странную компанию. Да и я сам засмеялся, увидев наше отражение в зеркале на входе, рядом с молчаливым охранником в так ему не идущем, пиджаке с сиреневым галстуком.

Вечно веселый панк под два метра ростом и исполинской шириной плеч. На его фоне охранник выглядел как провинившийся ребёнок, который съел последнюю конфету, не оставив младшему брату. И мужчина в черном пальто, из-под которого выглядывал край бардовой, цвета артериальной крови, рубашки. Картину дополняла моя недельная небритость поверх шарфа и запах утреннего перегара. Мы сели за столик в самом углу и пытались на спор опустить четыре кубика сахара поставленные друг на друга в принесённый чай, при этом не разрушив конструкции.

– Чёрт. Теперь сам пей эту бурду. Он приторный. – Славик сплюнул в кружку и громко выкрикнул: – Никто, никогда не спорьте с этим придурком, вы потом ещё неделю не сможете есть сладкое. – Просмеявшись он оглядел пустое кафе, где кроме нас сидел лишь хозяин заведения.

– У каждого должны быть зрители, – пробормотал он и вышел в уборную. Я неплохо знал этого не отличавшегося многословностью парня. Хитрые глаза, что дополняли собой вздёрнутый нос, черного цвета коротко стриженные волосы и вечная улыбка до ушей. Звали его подобающе – Артур, с ударением на первую букву. Иногда мне кажется, что всех владельцев забегаловок, кафе и шашлычных непременно должны звать Артур. Это придаёт им Шарм. Кстати так и называлось заведение.

Поверхность пола была зеркальной, наверное, чтобы люди могли рассмотреть выражение своего лица при падении. Стены обиты желтоватого цвета обоями из пробкового дерева – дорого, но со вкусом. В углу такого же, как и пол, зеркального потолка ползал паук. Я каждый раз давал ему имя, когда приходил. Каждый раз имя было разным. Сегодня он был Тополь. Я мог часами говорить о том, чему я дал имя. А Артур и Слава были готовы часами меня слушать. Замечательно.

Все в детстве смотрели в зеркало, поставленное напротив другого зеркала? Когда находишься в кафе между зеркальным полом и потолком ощущаешь себя в бесконечности.

В бесконечности, окованной пожелтевшими пробковыми обоями... В бочке. В тот вечер я говорил почти без остановки. Про паука, людей, погоду. Кричал, что жизни ломаются чаще, чем ногти на руках тех, кто ломает жизни. В мой чай, наверное, подмешали безумства, но, увы, моя бесконечность закончилась.

Время зашло за полночь, когда из Шарма вышли два чуть пошатывающихся человека. Ничто не пьянит так, как зелёный чай в компании приятеля, так, как ночной воздух на мёртвой улице города, ничто не пьянит, так, как опьяняет память в простуженной голове. И нет желания сильнее и искреннее, чем опустошить мочевой пузырь за магазином с названием «Счастье».

Распрощавшись со Славой, я решил зайти за продуктами на вечер. Идти было не меньше тридцати минут. За это время холодный осенний ветер выдул из меня все мысли. Теперь я героически прыгал через лужи и не боялся оказаться в них тем местом, которым думают люди. Дойдя до магазина, на автомате дернув ручки двери, я зашел в светлое помещение. Среди всех прохожих, я не встретил ни одного человека. Надеюсь, что повезет тут, начал выбирать товар.

– Мне, пожалуйста, билет до... Чёрт. Полбулки белого, брикет лапши, банку самого крепкого и пачку самых тяжёлых – вечер максимализма. Отсчитав сто двадцать три рубля и пятьдесят копеек мелочью, я вышел из магазина, оставив в нём в миг повеселевшую продавщицу. Ей будет, что держать на руке, протягивая сдачу очередному покупателю.

Остановившись у подъезда, я раскрошил хлеб на крыльце и поспешил зайти в дом. Пусть хоть у кого-то будет то, что они любят, то, в чём заключается смысл их жизни. Шлёп. Первая порция голубинового помёта достигла крыльца – я поднялся на свой этаж.

Дверь квартиры поддалась не сразу, замок заедал уже пару недель. Боюсь, что когда-нибудь вообще не попаду домой, останусь на холодной лестничной клетке грызть сухие брикеты лапши. Хотя, в её сердце я тоже попадал с трудом, пока оно, наконец, не захлопнулось, оставив моё в ещё более холодной клетке – грудной.

Квартира встретила равнодушной тишиной, где казалось каждый атом, играет в молчанку. Пол услужливо превратился во взлётную полосу для падения на матрас, а спасительная темнота позволила окунуться в сон. Сон – это, как вторая жизнь, иная форма шизофрении, бесплатное обезболивающее. Я любил сны, любил другую форму жизни, любил обезболивающее, любил...

В эту ночь мне снился город Л. Наступила бесконечная осень. Я стоял на перекрёстке двух безлюдных улиц и рыдал навзрыд, соревнуясь с дождём. Из-под порванной рубашки виднелась грудь, украшенная глубокими царапинами, налитыми багровой кровью. Я рвал кожу, и складывал на асфальт рядом со стоп-линией. Я устал чувствовать себя живым и хотел выдрать сердце, но через разомкнутые рёбра лился прозрачный, как небо над головами счастливых людей, свет. Постепенно он набирал яркость, и вот уже вокруг меня толпилось около десятка человек. Они походили на голубей разрывающих кусок хлеба: топтали ногами лоскуты плоти и кожи, пили кровь из ран на груди и кричали про любовь. А я лишь хотел вырвать сердце и вывалить содержимое за стоп-линию, чтобы никто, чёрт побери, не добрался до чувств, пока я не дам отмашку на зелёный сигнал. Но людям было плевать, они бежали на красный. Упивались светом и засовывали сердце обратно, приковывая цепями. Кто-то кричал: «Живи», кто-то орал матом, а кто-то плакал и целовал мои руки, причитая. Так, казалось, текла бесконечность, пока я не почувствовал привкус пластика во рту и боль в локтевых сгибах.

Глаза отказывались верить увиденному, мозг отказывался воспринимать. Яркая лампа над кушеткой, капельницы по обеим сторонам, люди в белых халатах и масках поверх лиц. Вообще, всё было мутным и чёрно-белым, как телевизор из моего детства. Как пьяный рассвет, что смеётся в лицо мне.

– Жив! – Из уст доктора это прозвучало, как констатация смерти... Картинка дрогнула, и перед глазами возник потолок моей комнаты.

Я проснулся в холодном поту. Матрас был окончательно разорван, весь в пятнах крови и хлорированной воды. Видимо во сне я разбил стакан у изголовья постели и разрезал его осколком запястье. Терпеть не могу, когда мне снится прошлое, оно пробуждает память, а память пьянит и похмелье от неё хуже, чем от алкоголя. Закурив сигарету, я уставился в окно. В пять утра город, как и следовало ожидать, был пуст. Дом для бездомных собак – выражался по такому случаю Славик.

Руку неприятно саднило. Плеснув на неё из горлышка (для дезинфекции), я засунул ноги в кроссовки, мысленно поблагодарив себя за то, что перед сном не раздевался. Вышел во двор. Солнце только начинало кидать свои первые лучи на верхние этажи высоток, будто пытаясь зацепиться за антенны и вытянуть себя в утреннее небо. Тем временем, жизнь уже лениво разгоняла механизм движения. Заспанные существа торопились в метро, наспех надевая маски людей. Тем, кто побогаче, доставались красивые, с улыбкой и пронзительным взглядом в будущее. Тем, кто не очень – поношенные, с запахом перегара и взглядом в прошлое. Сотни людей

прошли мимо к тому моменту, как я заметил, что исчезли два часа моей жизни и тринадцать сигарет из пачки.

Перепрыгнув через лужу, я направился в аллею напротив местного дворца культуры. Навстречу прошла мать с ребёнком, старик с собакой на поводке и около десятка жителей города Л. В их лица было вдавлено равнодушие. Лишь у мальчишки, который держал за рукав пальто свою маму и воздушный шарик, раскрашенный под вид Земли с широкими речками, бездонными озёрами, и бескрайними полями, в глазах читался ужас. Он только начинал жить, а его уже ведут в садик. Скоро, он и не успеет обернуться, как превратится в того парня, который в течение пяти минут пытается купить косяк за неполную стоимость. Все делали так. Ничего страшного.

– Друг, это последнее. Остальное отдам завтра.

Пройдёт ещё несколько лет, и мальчуган на этом самом углу купит первый букет для своей первой девушки, а после увидит, как эстетично лепестки роз выглядывают из мусорки. Ничего страшного. Только истечёт ещё одно мгновение, и он превратится в опаздывающего на работу робота, бегущего на автобусную остановку. Ничего страшного, ведь робот подождёт, когда пролетит несколько «Завтра» и он будет выгуливать собаку на поводке, мечтая о мягком диване. Что же вы делаете с теми, кто только начинает жить?

– Ничего страшного. – Откашлялся старик, обращаясь к собаке, которая опорожнилась посреди дороги.

– Бац! – Шарик лопнул! Чей-то мир осыпался разноцветной резиной на асфальте. Ничего страшного. Каждый день умирают тысячи миров, а дети взрослеют с каждой смертью. Они больше не держат в руках разноцветных шаров, не идут с мамой за руку рано утром. Они покупают косяк за углом, выбрасывают цветы, опаздывают, выгуливают собак и гниют. Их даже называют по-другому, с гордостью: Люди. А вот это уже страшно!

Не доходя до аллеи, я свернул по намеченной тропинке к своему дому, и, не рассчитав, наступил по щиколотку в холодную лужу. Теперь уж точно моя прогулка закончена. Поболтав в пачке шесть оставшихся сигарет, я достал крайнюю и, закурив, продолжил дорогу. «Счастье» – знакомо мигнула вывеска за поворотом. Счастье.

Глава 2. Автобус в рай

Двадцать пять. Четверть века или половина жизни?

– Хочешь сыграть в русскую рулетку?

– Что?

– Ты, правда, не думаешь, что это может быть опаснее, чем револьвер с одной пулей? Соотношение процентов не в твою пользу. Даже с пистолетом у виска шанс выжить составляет восемьдесят, а тут и того меньше – половина! Ты вообще думаешь? Нужно быть полным придурком, чтобы на безлюдной трассе в три часа ночи остановить первую попавшуюся машину.

– Нужно быть полным придурком – аналитиком, чтобы остановиться на безлюдной трассе рядом с незнакомцем ночью и беседовать с ним про шансы выжить. Поверь, ты рискуешь большим. Да и будь у меня пистолет, я без сомнения бы выжал курок. И не один, а шесть раз, если оно того потребует.

Меня кстати зовут Тимофей. Можно просто Тим. Я не грабитель и не бомж, я писатель. Подвезешь?

– Писатель? По-моему, просто алкоголик!

– А разве есть разница?

– Хм. Куда тебе? Я докину, если по пути, но учти, воровать у меня нечего.

– Плевать. Ты всё равно не знаешь дорогу туда, куда нужно мне. Никто не знает. Нам по пути в любом случае.

– Водитель протянул мне полиэтиленовый сверток.

– Постели это на сидение, и залезай побыстрее – в салон захлёстывает дождь. Меня ты можешь называть Пётр.

– Апостол? Может, ты всё-таки знаешь дорогу туда, куда нужно мне?

Дверь со скрипом захлопнулась. Я уже сам пожалел, что сел в забрызганную грязью газель с неразличимыми номерами, но к тому времени вино подошло к концу, а сигареты, которые заботливо были убраны в пакет из-под хлеба, каким-то образом намокли. Я замёрз и ужасно хотел спать, так что у меня просто не было другого выхода.

В салоне сильно воняло тухлым мясом и уксусом. Печка струёй мёртвого обожженного воздуха била в лицо, а от болтающихся мягких игральные кости на зеркале заднего вида, укачивало и становилось дурно. Не смотря на это, моё настроение, как ртутный столбик градусника подмышкой у больного подростка, ползло вверх.

Водитель добродушно позволил мне взять уже пятую самокрутку и банку пива из бардачка. Взамен я слушал. Точнее, делал вид, что мне интересно. Самое главное – он говорил, а не расспрашивал.

– Я перевожу мясо: говядина, свинина. Бизнес мне перешёл от отца. Не сказать, что прибыльное дело, но иногда можно увидеть много необычного. Я ведь изъездил больше, чем полстраны. Был в таких городах, в которые все только мечтают попасть, и в таких, которых нет ни на одной карте. Через сотню километров будет один: тысяча сорок населением. Там есть хороший бар, по субботам в нём читают стихи. Бездарно читают, скажу я тебе, но пиво у них хорошее. Мы сделаем остановку, пропустим пару кружек, а через пару дней...

– Мне было плевать, что будет через пару дней. Мне нужно прожить два часа и попасть в бар, а дальше обязательно что-то произойдёт. В моей жизни всегда самое лучше происходит спонтанно, и предсказать это не возможно.

За стеклом шёл разъярённый дождь. Он будто отрастил себе зубы от злости, и каплями как плетью хлестал по кузову автомобиля, стёклам, асфальту, дороге и мусору, выброшенному в окно.

В голове роились непонятные мысли, образы, картинки. Сделав глоток пива, я будто опустил оловянную ложку в банку со сметаной и круговыми движениями стал на шаг ближе, чтобы превратить её в масло. Мои мысли стали чуть твёрже. По крайней мере, я стал чётко осознавать, чего хочу.

– Тормозни за поворотом!

– Ага? Пиво просится на свободу? – Засмеялся Пётр.

– Промолчав, я вытащил своё тело из машины. Дождь, будто любящая девушка после долгой разлуки, напал на меня, пытаюсь впитаться в кожу. Я стоял на обочине, а чувство было, что я делаю что-то ужасное. Проживаю не ту жизнь, не того человека. Сейчас кто-то другой должен стоять пьяный на краю дороги под ливнем, в четыре утра по местному. Кто-то другой сейчас на моём месте проживает мою жизнь. Мы оба делаем что-то ужасное. Хотя, я не делаю ничего... это кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.